

гие склонны рассматривать как привнесение религиозных представлений в научное исследование. Вместе с тем А. Мень, интерпретируя это учение как попытку представить творение в виде процесса, воплощенного в эволюции, вынужден делать массу оговорок для обоснования своей позиции. И это не случайно, если вспомнить тот факт биографии Тейяра де Шардена, что отцы церкви запрещали ему публиковать свои труды.

¹ Кузнецов В. Ю. Тейяр де Шарден: стремление живого организма мира к божественному совершенству // Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 2002. С. 3.

² Там же. С. 6.

³ Мень А. О Тейяре де Шардене // Мень А. Истоки религии. М., 2001.

⁴ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 140.

⁵ Там же. С. 292.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Там же. С. 408.

⁸ Там же. С. 171–178.

⁹ См.: Глейк Дэс. Хаос. Создание новой науки. СПб., 2001; Канра Ф. Паутина жизни. Киев, 2002.

¹⁰ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 178.

¹¹ Там же. С. 259.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 260.

¹⁴ Там же. С. 271.

¹⁵ Там же. С. 289.

¹⁶ Там же. С. 291.

¹⁷ Там же. С. 283.

¹⁸ Там же. С. 283–284.

¹⁹ Там же. С. 293.

²⁰ Там же. С. 321.

²¹ Там же. С. 365.

²² Там же. С. 336.

²³ Там же. С. 301.

²⁴ Там же. С. 357.

²⁵ Там же. С. 373.

²⁶ Там же. С. 376.

²⁷ Там же. С. 387–388.

Н. Н. Мамаева

«СВЕТЛОЕ» БУДУЩЕЕ В ФИЛОСОФИИ А. и Б. СТРУГАЦКИХ

Наконец-то свершилось – «Новейший философский словарь» опубликовал статью «Стругацкие»¹. То, что их творчество не просто фантастика, а классика фантастики, стало очевидно давно; и не просто классика фантастики, а в принципе классические произведения классических авторов

не только на уровне русской, но и на уровне мировой литературы; что это не просто художественная литература, а литература философская (как это, впрочем, часто бывает в русской классической традиции) тоже было достаточно очевидно. Надо было, чтобы об этом кто-нибудь сказал вслух на официальном уровне. Это произошло. «Новейший философский словарь», изданный в Минске, уже официально внес Стругацких в ряды деятелей мировой философии. Теперь как минимум можно сослаться на авторитет, а также опровергать его.

Данная работа посвящена лишь одному аспекту творчества братьев Стругацких – моделям «добрых миров будущего» в их произведениях. Творческое наследие Аркадия и Бориса Стругацких достаточно обширно – не столько по абсолютному объему, сколько по тематике и, конечно, заслуживает не одной или даже нескольких статей, а многих монографий. Поэтому затрагивать более обширную тему автору показалось нецелесообразным. Впрочем, даже внутри данной проблемы оказалось столько подтем и вариантов реализации данной модели, что во время работы все время приходилось купировать дополнительные рассуждения.

Стругацкие оставили нам 28 произведений, написанных совместно, три повести, написанные порознь, а также большое количество статей, писем и заметок, которые сейчас уже опубликованы в «Полном собрании сочинений». Однако к последним автор сознательно не обращалась, полагая что следует анализировать первоисточники.

Вернемся к основной теме эссе. Не анализируя самых первых рассказов, опубликованных в сборнике «Шесть спичек», обратимся к ранней повести «В стране багровых туч». Это классический приключенческий роман 50-х годов XX века. Герои все как один – «истинные герои», цель их, несомненно, цель благая. Наши непременно должны победить и победят. Жертвы неизбежны, но они необходимы ради достижения общей цели. Никакой мистики, все тайны будут раскрыты естественно-научным путем. И в конце трогательная сцена: электронный маяк посылает в космическое пространство пеленги, вызывающие на глазах у героев слезы умиления. Впоследствии сами Стругацкие будут иронизировать над такой литературой: «Последний первопроходец умер под вооруженным флагом, и экран погас»². Примечательно, что эта ирония имеет место все в тех же ранних произведениях. Приведенная цитата – из повести «Стажеры», написанной в 1960 году, спустя два года после «Страны багровых туч». Но есть в этом («Страна багровых туч») произведении нечто, не позволяющее отнести его просто к юношеским неудачным опытам. Авторы позволили себе разнообразить типаж. Краюхин и Быков – это классические герои советского приключенческого романа, как и энтузиаст Богдан Спицын. Но наряду с ними в романе присутствует и совершенно не героический любитель покушать Михаил Антонович Крутиков, и байронический хлыщ Юрковский. Причем выясняется, что для совершения подвигов нужны и такого рода люди, для которых, казалось бы, и пространство советской литературы, и героический жанр совершенно не приспособлены.

Тема счастливого светлого будущего, проходящего на фоне космической экспансии человечества, разворачивается и в следующих произведениях Стругацких – «Путь на Амальтею», «Стажеры», «Хищные вещи века», «Возвращение. Полдень. XXII век», «Малыш», «Парень из преисподней», «Далекая радуга», «Трудно быть богом», вплоть до «Жука в муравейни-

ке» и «Волны гасят ветер». Картина счастливого будущего в первый момент завораживает, и только потом начинаешь ощущать смутное беспокойство. Нет, вроде бы все замечательно. Герои покоряют космос, совершенствуют безотходные технологии, открывают новые цивилизации, создают мясо для кормящих матерей. Все прекрасно... Только чувство беспокойства все равно не оставляет нас. Даже из этого перечисления мы вдруг осознаем, что светлое будущее на редкость стерильно. Герои не влюбляются, не ссорятся, не рожают детей, а если и рожают, то их воспитанием занимаются интернаты. По-видимому, человеческие чувства в этом гармоничном мире просто не нужны. И дело не в том, что специфика жанра требует отсутствия любовной темы. Любовная тема как раз появляется, только у героев она в основном вызывает осуждение: «В этом отношении я всегда выступал против вас. Молодым девчонкам на дальних базах не место»³; «Все мы разведчики. И все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на земле, либо внутри нас»⁴ (читай: любви в суровой прогрессовской деятельности нет места); «А в последний год, когда она вернулась с каникул, ничего уже не было. Что-то случилось. Наверное, они уже взяли его в свои руки... Он посмотрел сквозь нее и отвернулся. И больше уже не смотрел на нее. Они уже начали превращать его, он уже был почти прогрессор, он уже был на полпути в другой мир, где предают и мучают друг друга»⁵. Герои так заняты работой и устройством общего светлого будущего, что им некогда любить, а если и есть когда, то общество этого не допускает. «Я недавно познакомилась с одним школьным учителем. Он учит детей страшным вещам. Он учит их, что работать гораздо интереснее, чем развлекаться»⁶. Продолжим эту мысль: учитель, вероятно, учит детей, что работать вообще интереснее всего на свете. Слова эти, кстати, принадлежат персонажу, который вызывает (а вызывает ли?) осуждение у авторов, и тем не менее легкомысленная сестра Владимира Сергеевича Юрковского совершенно права.

Вообще, можно сделать одно любопытное наблюдение. Чем дальше читаешь и перечитываешь Стругацких, тем чаще начинаешь прислушиваться к мнению отрицательных героев. Юрковская: «Он учит детей страшным вещам»⁷. «Жирный кабатчик» из «Стажеров»: «Но вот он состарится, не сможет больше работать. Чем тогда он будет заниматься, этот мальчик?»⁸. «Несимпатичный Павор»: «Решение одно: уничтожить массу... Уничтожить девяносто процентов населения, может быть даже девяносто пять»⁹. В их словах есть своя очень неприятная, неприглядная, антигуманная, аморальная, но правда. И в конце концов именно они со своим фашизмом, нищенством, мешанской моралью и трезвым расчетом оказываются правы. Светлое будущее столь же невозможно и недостижимо, как построение вечного двигателя. Нельзя нарушить законы природы, нельзя нарушить законы развития общества, чтобы там ни пропагандировал Вечерский.

Но вернемся к светлomu будущему. В ранних романах это будущее противопоставлено будущему капиталистическому. Особенно ярко эта тема проходит в «Стажерах», где космическая комиссия посещает «социалистические» и «капиталистические» планеты и спутники. Очевидно, что мысль авторов такова: показать, как уродливо выглядит космическое будущее в его капиталистическом варианте и как оно привлекательно в его социалистической реализации. Но на деле получается совсем иное. Везде

на периферии земной цивилизации мы видим практически одно и то же: тяжелый труд, постоянный риск, лучевую болезнь, бессмысленные смерти. Только в одном случае все это делается с целью личного обогащения, а в другом – для того, чтобы доказать, что гравитация распространяется быстрее света или что кольца Юпитера имеют искусственное происхождение. Вероятно, в 70-х годах, когда писалось это произведение, всем, даже самим Стругацким, было очевидно, что второе неизмеримо важнее первого. Однако сейчас мы, повзрослев и став умудреннее, задумываемся: а так ли это? Да и тот же герой Стругацких, повзрослевший и постаревший, замечает: «Есть, конечно, герои, им бы все на подвиги рваться, Валдайские горы походом покорить или какое иное злодейство совершить. А мы люди маленькие, с нас и воробьев по утрам довольно»¹⁰. Впрочем, и герой тех же «Стажеров» Жилин, и совсем зеленый юнец Юра Бородин в конце концов приходят к выводу, что никакое, даже самое замечательное научное открытие, не стоит человеческой жизни. К этой же мысли, когда, увы, будет уже поздно, придут герои «Далекой радуги».

Да и в светлом земном будущем все достаточно сложно. С одной стороны, все вроде бы прекрасно. Но тем не менее сюжет каждой новой повести образует либо драма, либо трагедия. Гибель грозит целой планете из-за снабженческих ошибок и недостатка продовольствия («Путь на Амальтею»). Население другой планеты полностью гибнет в результате неудачного и безответственного физического эксперимента («Далекая радуга»). Попытка помочь другим цивилизациям сократить путь к прекрасному будущему оборачивается тем, что герой, добрый, хороший человек, становится убийцей. Причем не обычным убийцей, уничтожившим пару-тройку негодяев, а суперубийцей, за которым тянется кровавый след из десятков и сотен умерщвленных («Трудно быть богом»). Представитель гармоничного общества будущего не боится убить человека ради блага этого общества («Жук в муравейнике»). Эта же цивилизация легко жертвует маленьким мальчиком, поскольку контакт с иным разумом оказывается куда важнее («Малыш»), а главное, эта цивилизация постоянно чего-то боится. Боится тлетворного влияния капитализма, а затем микробов мешанства. Боится, что останется без работы: «я постараюсь умереть раньше, чем не смогу работать»¹¹. Боится создать технологическую проблему, которую само не сможет решить («Массачусетский кошмар»). Боится мифических Странников. Наконец, боится любого вмешательства в ее дела. «Вы построили вокруг себя угрюмый мрачный мир, мир угроз, мир страха и подозрительности... Почему? Откуда! Откуда у вас эта космическая мизантропия?»¹². Она постоянно творит благо и безумно боится сама оказаться объектом такого блага. Таким образом, жизнь в середине XXII века оказывается совсем не благополучной.

Как объяснить этот феномен? Можно предложить такой вариант объяснения. Все это не более, чем критика коммунистического представления о светлом будущем. И прозорливые, и хитроумные авторы просто таким образом маскировали свое негативное отношение к коммунистическому космическому будущему, и под воспеванием у них на самом деле была спрятана критика, только объяснение это, наверно, слишком простое. Неблагополучны ведь по большому счету и все другие цивилизации, которые попадают в нашу точку зрения. Тагора панически боится всех нововведений, людены в своем превосходстве над людьми бесконечно одино-

ки, Надежда попадает в техногенную катастрофу. Да и другие миры Стругацких тоже отнюдь не гармоничны, например, Лес с его женской цивилизацией или мир «Хищных вещей века» и «Пикника на обочине», где действие происходит отнюдь не при социализме. А что происходит в произведении «За миллиард лет до конца света»? Какой-то высший разум или сами законы природы не позволяют осуществляться прогрессу, потому что прогресс губителен, а то, что при этом гибнут люди, этим разумным или стихийным силам совершенно безразлично. Дело не в том, что социалистическое будущее на самом деле неосуществимо. Дело в том, что нереальна сама идея светлого будущего как такового.

Социология сейчас уже пришла к признанию этого печального факта. Системный подход безжалостен, но справедлив, особенно когда мы применяем его к человеку. Самой устойчивой структурой, как ни крути, является пирамида. Поэтому в обществе всегда должен присутствовать какой-то «низший слой». Слой неимущих, обиженных, обездоленных. «Ежели чего в одном месте прибавится, то в другом обязательно убавится». Счастье не возникает из ничего, а его количество не может постоянно увеличиваться. За счастье нужно платить, и чем большего счастья мы хотим добиться, тем дороже должна быть цена. Поэтому человечество и вынуждено платить за гармоничный, надежный, спокойный мир на земле человеческими жизнями. Жизнями тех, кто даже не угрожает, а гипотетически может угрожать этой цивилизации (Лев Абалкин), жизнями тех, кто работает в космосе, занимаясь новыми научными разработками, которые впоследствии превратятся в ту производительную силу, которая и позволит земле жить беспечно (герои «Возвращения», «Стажеров», «Пути на Амальтею», все население планеты Радуга); жизнями тех, кто пытается улучшить существование на других планетах. (Все прогрессоры в какой-то степени либо потенциальные смертники, либо потенциальные убийцы.) Причем это не беспристрастный анализ со стороны, анализ критика, который анализирует выдуманный мир. Сами герои этого будущего рая тоже осознают проблемы своей цивилизации: «Потому что либо прогрессорство (при том, что большинство землян на дух не выносят прогрессоров), либо нечего Земле соваться во внеземные дела»¹³. Неудивительно поэтому, что Стругацкие в своем последнем так и не написанном романе пришли к выводу, что счастливое будущее Земли просто-напросто невозможно и за этой «оптимистической трагедией» стоят какие-то грозные и неведомые силы. В черновике их последнего так и не написанного романа культурный и интеллигентный представитель Островной империи в ответ на рассказ прогрессора о достижениях земной цивилизации вежливо замечает: «Интересная утопия», а затем спокойно по пунктам объясняет, почему описанная им ситуация не может существовать на самом деле, а может быть только утопией. На самом деле счастливое будущее действительно возможно. Оно вполне достижимо, и это не утопия. Только надо иметь в виду, что все на свете требует жертв. Требует их и счастливое будущее. Если человечество готово платить смертями, аморальными поступками, предательством за свое светлое будущее, то оно вполне может его иметь.

Эта же мысль достаточно последовательно проводится и в других произведениях Стругацких. Что нужно прекрасным амазонкам из Леса для

достижения всеобщей гармонии? Немного: просто уничтожить половину населения планеты, всех мужчин. Что нужно герою того же романа Перцу для того, чтобы заставить Управление работать нормально – немного, просто предложить группе искоренения Леса самоискорениться с помощью огнестрельного оружия. Счастье для героя «Пикника на обочине» вполне достижимо. Он даже не просит счастья только для своей девочки или для своей семьи, он просит «счастья для всех, и пусть никто не уйдет обиженным»¹⁴. Только на алтарь Золотому Шару, который обеспечит это всеобщее счастье, нужно принести жизнь чужого сына. Возникает сомнение, что прекрасные вундеркинды из «Гадких лебедей» тоже сумеют построить свой мир без каких-либо жертв. Они, правда, обещают не разрушать старый мир, но как минимум один город они погубили, сделав все его население беженцами. А судьба беженцев, как мы убедились на горьком примере своей страны, весьма нелегка, и вряд ли Господин Президент сумеет и сочтет нужным позаботиться о них. Они, правда, обещают, что ничего не будут трогать и сумеют построить новый мир благодаря энергии «травы и земли, воздуха и воды», только главный герой, умудренный опытом и изрядно побитый жизнью, им не очень-то верит. Да, он всей душой на их стороне, но червь сомнения его постоянно грызет. Так неужели стабильное гармоничное общество все же невозможно?

Нет, возможно, отвечают нам Стругацкие. И предлагают вариант такого общества в «Граде обреченном». Только вариант этот уж очень кощунственный. Даже страшно писать. Вполне благополучное и стабильное общество создает обычный «унтер-офицер вермахта, солдафон, недоучка». Создает его путем относительно небольших жертв, ну расстреляли десяток-другой сумасшедших, среди которых оказалось несколько нормальных, но по сравнению с глобальным жертвоприношением «Далекой радуги» или «Улитки на склоне» это ерунда. И ведь немногого требуется: введение цензуры, создание организации, которая следит за всеми в лице господина Варейкиса (то ли ЦРУ, то ли ГРУ, то ли ФСБ, то ли КГБ; кстати, в социалистическом будущем такая организация тоже существовала, и называлась она КОМКОН-2); подкармливание властью более-менее образованных и здравомыслящих людей, чтобы идеи подавали. Предусмотрено все, даже Светлая мечта – Великая Стройка. И ведь неплохо получилось: преступность ликвидирована, подбор на рабочие места осуществляется строго по науке, павианов на улицах нет, очередей на мусоросборниках тоже и все практически довольны, кроме Изи. Но Иосиф Кацман – это уж такой типаж, интеллигент-еврей, которому надо вечно брюзжать и который даже на Земле обетованной будет недоволен. Правда, кое-чем все же пришлось пожертвовать – в Городе нет ни литературы, ни искусства. И, по-видимому, не будет. Эта жертва, наверное, оказалась самой глобальной. Литература и искусство исчезают там, где исчезают язвы общества, движения и противоречия. Впрочем, и тут просматривается определенный выход. Гейгер отнюдь не дурак и понимает, что стагнация чревата гибелью, поэтому его и тревожит отсутствие искусств и гуманитарных наук, поэтому он и отправляет экспедицию в неизведанное, практически в никуда, потому что движение нужно. Страшненькой получается гармония. Авторитарное государство, во главе которого стоит бывший фашист, которому верно служит прикормленная им интеллигенция. А собственно говоря, почему страшненькая? Чем она хуже светлого социалистического

будущего, мира Тагоры или Леса? Здесь хотя бы жертвы приносятся минимальные. И этот вариант реально осуществим.

¹ См.: Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 528.

² Стругацкие А. и Б. Извнс. Путь на Амальтсю. Стажеры: Рассказы. М., 1991. С. 290.

³ Там же. С. 298.

⁴ Стругацкие А. и Б. Далская радуга. Трудно быть богом. М., 1964. С. 321.

⁵ Они же. Обитасмый остров. Жук в муравейнике. Волны гасят ветер. Томск, 1992. С. 323.

⁶ Там же. С. 537.

⁷ Стругацкие А. и Б. Извнс. Путь на Амальтсю. Стажеры. С. 152.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ Стругацкие А. и Б. Хромая судьба. М., 1993. С. 165.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Стругацкие А. и Б. Волны гасят ветер.

¹³ Там же. С. 228.

¹⁴ Стругацкие А. и Б. Пикник на обочине.

Р. Я. Шляпугина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФИЛОСОФСКИХ ДИСКУССИЙ 20–30-х ГОДОВ

История отечественной философии советского периода еще не написана, хотя существуют значительные ее фрагменты¹, из которых видно, что в ней имелось несколько драматических моментов, определивших последующее ее развитие. Одним из таких моментов, бесспорно, являются философские или имевшие философскую доказательную базу дискуссии 20–30-х годов. Свою статью мы посвящаем политической составляющей этих дискуссий.

Самой значительной философской дискуссией указанного периода является дискуссия между «механистами» и «диалектиками». Источниковую базу дискуссии, длившейся без малого десять лет, составляют сотни статей и тысячи выступлений на диспутах в различных научных и учебных заведениях страны и вряд ли возможна их полная, научно прокомментированная публикация. Но основная фактография уже введена в научный оборот после открытия спецхранов библиотек и архивов.

Побудительным мотивом для начала этой дискуссии послужила публикация известным большевистским лидером И. И. Скворцовым-Степановым предисловия и послесловия ко 2-му изданию переведенной им книги голландского демократа Германа Гортера «Исторический материализм»². Ряд положений этого пос-